

Brandner, Aleš

**К омонимии окончаний Nsg и Gpl существительных мужского рода
в русском языке**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada
jazykovědná. 1997, vol. 46, iss. A45, pp. [149]-156*

ISBN 80-210-1606-X

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100154>

Access Date: 24. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

К ОМОНИМИИ ОКОНЧАНИЙ Nsg И Gpl У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Категория падежа у существительных определяется как синтаксическая словоизменительная категория, обязательная для всех субстантивных словоформ. Она обозначает способность или неспособность существительного сочетаться с определенными словами в сочетании или в предложении. Категория падежа представлена шестью рядами форм, каждая из которых является носителем определенного комплекса категориальных морфологических значений. Падеж как словоизменительная категория выражается материально окончаниями. Парадигмы существительных и падежные окончания характеризуются следующими особенностями: 1/ Все окончания выражают одновременно значение падежа и числа. 2/ В составе каждой парадигмы есть формы с омонимичными падежными окончаниями (ср. Виноградов, 1940, 1-12; 1972, 146-147; Adamec a kol., 1996, 53). Падежные формы можно классифицировать по тому принципу, выполняют ли они преимущественно синтаксическую или адвербиально-семантическую функцию. В современном русском (подобно как и в чешском) языке падежные формы сочетают в себе синтаксические функции с функциями несинтаксическими (адвербиальными, лексическими).

В русском именном склонении среди косвенных падежей обладает наибольшим синтаксическим весом и самой разветвленной системой значений родительный падеж (G). Система Gpl в отличие от Gsg характеризуется в своем развитии особыми чертами. Процессы, связанные с противопоставлением G другим падежам, в Pl осложняются процессами, связанными с противопоставлением множественного числа единственному. Так, если в формах Sg особенно устойчивыми оказываются родовые различители, то в Pl они теряют силу: в формах Pl обнаруживается тенденция к унификации разных типов склонения. Иными словами, в современном русск. языке отдельные типы имен

существительных различаются только по формам Sg, тогда как в Pl, по существу, есть единое склонение: отличия в падежных формах выступают здесь лишь отчасти в Npl и в большей степени в Gpl. Однако эти отличия не дают возможности по формам Pl выделить те же три типа склонения, какие выделяются по формам Sg.

В др.-русск. языке существовало шесть типов склонения, которые выделялись и по формам Pl. Однако на протяжении истории русск. языка общее сближение типов склонений, разрушение старых отношений и установление новых выразилось в Pl в том, что старые различия в падежных формах, связанные с многотипностью склонения, были утрачены. Достаточно сравнить окончания Npl разных существительных в др.-русск. языке с современными формами этого падежа. В современном русск. языке есть, в основном, два окончания: $\langle =i \rangle$ (выступающее в двух разновидностях: $-и$ или $-ы$, ср. *слоньí, словарí, жéницины, кóсти*) и $\langle =a \rangle$ (выступающее также в двух разновидностях: $-а$ или $-я$, ср. *словá, óкна, мастерá, учителá, друзá*).

Если обратиться к формам Gpl др.-русск. языка, то здесь можно обнаружить различные окончания, наличие которых связано с многотипностью склонения существительных. Однако в современном русск. литературном языке в Gpl могут быть лишь три окончания: $\langle =ov \rangle$ (конкретные реализации $-ов, -ев, -ёв$), $\langle =ej \rangle$ (конкретные реализации $-ей, -ий$), а также могут выступать формы без окончания $\langle =0 \rangle$ (ср. *столóв, герóев, краёв, костéй, полéй, словарéй, солдáт, школ, слов*), однако, их различие не совпадает с различием трех современных типов склонения. Все эти различия определяются характером исхода основы, а иногда и лексическими факторами.

Таким образом, развитие форм склонения существительных в Pl шло по пути утраты различий, связанных с различием др.-русск. типов склонения, по пути унификации. Особенно отчетливо эта унификация сказалась в формах Dpl, Lpl и Ipl, где на протяжении истории русск. языка установились единые формы для существительных всех родов. Большую роль здесь сыграло склонение с древней основой на $-a$, из которого окончания $\langle =am \rangle$, $\langle =ach \rangle$, $\langle =ami \rangle$ в рассматриваемых падежах проникли в остальные типы склонения. Процесс введения этих форм был, вероятно, длительным и не одновременно проходившим по всем диалектам (ср. Марков, 1992, 97-116).

Наиболее значимые в количественном и формообразовательном отношении парадигмы основ на $-o$ ($-jo$) и на $-a$ ($-ja$) имели в Gpl образования с окончанием $\langle =ъ \rangle$ // $\langle =ь \rangle$. Для основ на $-a$ это окончание впоследствии (после падения еров) сводящееся к нулю, всегда оставалось достаточно выразительным ввиду наличия гласных полного образования в окончаниях всех других падежей. Что касается парадигмы основ на $-o$, то здесь образования Gpl типа *столь, рубль* уже в доисторическую пору оказывались омонимичными по отношению к формам Nsg и Asg, и в связи с этим здесь имелись основания для

новообразований, усиливающих выразительность флексий. Источником для подобных новообразований послужила парадигма основ на *-и*, сближенная с большинством существительных основ на *-о* одинаковой родовой принадлежностью и наличием аналогичных отношений в Sg (ср. Nsg *столь* – Asg *столь* – Gpl *столь* X Nsg *домъ* – Asg *домъ* – Gpl *домовъ*). В результате уже в XI–XII вв. проявляется значительная активность форм с окончанием *<=овъ>*, постепенно, в процессе взаимодействия синонимов, вытесняющих образования на *<=ъ>*. Распространение флексии *<=овъ>* принадлежит к числу наиболее ранних и последовательно проведенных процессов в истории склонения имен существительных муж. рода твердой разновидности.

С точки зрения эволюционных процессов, совершающихся в системе падежных форм, в Gpl особый интерес приобретает конкуренция существующих дублетных форм. В современном русск. лит. языке действует тенденция к следующему соотношению флексий Nsg и Gpl: «нулевая флексия в Nsg – ненулевая флексия в Gpl» (ср. *стол* – *столѳв*, *кость* – *костѳй*), «ненулевая флексия в Nsg – нулевая флексия в Gpl» (ср. *школа* – *школ*, *слово* – *слов*). В соответствии с этой тенденцией существительные муж. рода с основой на парно-твердый согласный, включая *<-k=>*, *<-g=>*, *<-ch=>*, а также после *<-c=>* и *<-j=>* имеют в Gpl флексию *<=ов>* (ср. *столѳв*, *знаѳков*, *береѳгов*, *грехѳв*, *отѳцов*, *нѳмцев*, *музѳев*, *краѳв*). Таким образом, в ситеме падежных противопоставлений Gpl выделяется особенностями, отличающими его от всех других падежных форм. Однако существуют группы исключений, в которых установленное соответствие не выдерживается. Во-первых, это пары существительных, в которых оба падежа имеют ненулевую флексию (ср. *плѳчико* – *плѳчиков*, *пѳле* – *пѳлѳй*, *межѳа* – *межѳѳй*, *плѳтьѳе* – *плѳтьѳев*), во-вторых, это существительные муж. рода твердой разновидности, которые образуют форму Gpl с *<=0>*, т. е. оба члена оппозиции имеют нулевую флексию (ср. *солдѳт* – *солдѳты*, *солдѳт*; *цыѳган* – *цыѳганѳе*, *цыѳган*). Эта группа слов-исключений обращает на себя внимание полным отсутствием формального различителя Nsg и Gpl. Напрашивается вопрос, почему у этих слов не возникала необходимость их различать.

Ряды слов, принимающих нулевую флексию в Nsg и Gpl, в современном языке подразделяются на две основные группы:

1/ Пары словоформ, у которых различительную функцию выполняет ударение или суффиксы единичности: *-ин* (*-анин//янин* : *-ан//ян*, *-чанин* : *-чан* и др.), *-онок //ѳнок* : *-ат//ят*; *волѳс* – *волѳс*, *господѳн* – *госпѳд*, *гражданин* – *граждѳн*, *ребѳнок* – *ребѳят* и др.¹

¹ По грамматическому словарю А. А. Зализняка (1977) суффиксальных образований такого рода сравнительно немного: с суф. *-ин* насчитывается 78 слов, с суф. *-онок/-ѳнок* – 68.

2/ Пары словоформ, у которых формы Nsg и Gpl омонимичны, внешне не различимы (ср. *рентгѣн, ватт, вольт*). Особую переходную подгруппу составляют слова с опрощенной основой, у которых этимологически восстанавливаются суффиксы единичности (ср. *грузѣн, осетѣн*) и слова, у которых конец основы по звучанию совпадает с окончанием основы у слов, имеющих в Gpl нулевую флексию (ср. *алѣн* как *англичѣн, авѣр* как *болгѣр*). В общем процент существительных муж. рода с <=0> в Gpl сравнительно мал. Они классифицируются современными грамматиками на семантической основе. По лексико-семантическому признаку выделяются следующие ряды слов:²

1. Существительные, преимущественно употребляющиеся в форме Pl в собирательном значении.

а/ Названия лиц по принадлежности к национальным группам: *абазѣны* (народ, составляющий часть населения Карачаево-Черкесской и Адыгейской автон. областей) – *абазѣн, балкѣры* (народ северного Кавказа) – *балкѣр, башкѣры* – *башкѣр, грузѣны* – *грузѣн, имеретѣны* (грузины, населяющие западную Грузию) – *имеретѣн, лезгѣны* (один из дагетсанских народов на Кавказе) – *лезгѣн, осетѣны* – *осетѣн, румыны* – *румын, турки* – *турок, цыгѣне* – *цыгѣн*; у следующих слов наблюдаются колебания в окончаниях: *авѣры* – *авѣр//авѣров, бурѣты* – *бурѣт//бурѣтов, карѣлы* – *карѣл//карѣлов, картвѣлы* (название грузин и родственных им народностей Закавказья) – *картвѣл//картвѣлов, кюрѣны* (часть лезгин, расселенная по среднему течению реки Самур) – *кюрѣн//кюрѣнов, мадѣры* – *мадѣр// мадѣров, маньчжурѣы* – *маньчжурѣ//маньчжурѣов, мегрѣлы* (грузины, живущие в западной Грузии) – *мегрѣл//мегрѣлов, мингрѣлы* (то же самое, что мегрелы) – *мингрѣл//мингрѣлов, туркмѣны* – *туркмѣн//туркмѣнов, тушѣны* (этнографическая группа грузинской народности) – *тушѣн//тушѣнов, уйгурѣы* (тюркская народность, живущая на территории Китая и бывшего СССР) – *уйгурѣ//уйгурѣов, хевсѣры* (этнографическая группа грузин /горцев/) – *хевсѣр//хевсѣров*.³

б/ Названия лиц по принадлежности к воинским соединениям: *партизѣны* – *партизѣн, солдѣты* – *солдѣт*⁴. В современной речи многие из

² Подобной проблематикой занималась Л. К. Граудина (1964, 181-209). В своей работе она подробно анализирует с общей точки зрения роль G среди косвенных падежей. Употребление <=0> в Gpl у существительных муж. рода она сравнивает с обстановкой в конце XIX и в начале XX в. и стремится дать этим формам семантическое основание. Цель настоящей работы – описать на историческом фоне ситуацию в современном русск. языке, обратить внимание на те случаи, где допустимы колебания в употреблении флексий. Лексический материал был получен из грамматического словаря А. А. Зализняка (1977).

³ В употреблении некоторых слов отмечаются иногда ненормативные формы на <=ov>: ...*турков мы издрѣле зѣем как скотовѣдов* (Советская этнография, 1931).

⁴ Изредка встречаются ненормативные формы на <=ov>: *И сто партизѣнов шахтѣрских полкѣв* (В. Саянов).

слов этой группы ушли в пассивный запас, и примеры употребления нулевых форм у большинства из них относятся к прошлому столетию (ср. Очерки, 1964, 241-247). Современный язык допускает у них также формы с $\langle =ov \rangle$: *гардемарины* – *гардемари́н/гардемари́нов*, *гренадёры* – *гренаде́р/гренаде́ров*, *гусары* – *гусар́/гусаро́в*, *драгуны* – *драгу́н/драгу́нов*, *кадэты* – *каде́т/каде́тов*, *кирасиры* – *кираси́р/кираси́ров*. У следующих слов словари приводят только формы ненулевые: *канониры* – *канони́ров*, *рекруты* – *рекру́тов*, *санитары* – *санита́ров*, *сапёры* – *сапе́ров*.

в/ Названия парных предметов: *боти́нки* – *боти́нок*, *боти́ночки* – *боти́ночек*, *ва́ленки* – *ва́ленок*, *глаза́* – *глаз*, *глазкí* (уменьш. к *глаз*) – *глазо́к*, *мокаси́ны* – *мокаси́н*, *пого́ны* – *пого́н*, *ро́жки* (уменьш. к *рог*) – *ро́жек*, *сапоги́* – *сапо́г*, *сапо́жки* – *сапо́жек*, *чулки́* – *чуло́к*, *шарова́ры* – *шарова́р* («широкие штаны»); у некоторых слов этой группы встречаются колебания окончаний: *бо́ты* – *бот/бо́тов*, *го́льфy* («короткие чулки до колен») – *гольф//го́лфов*, *ке́ды* («спортивные матерчатые ботинки на ребристой резиновой подошве») – *кед/ке́дов*, *рога́* – *рог//ро́гов* (форма *рог* встречается только в поговорке «Бодли́вой коро́ве бог рог не даёт»), *чува́кy* («кавказская мягкая кожаная обувь без каблуков») – *чува́к/чува́ков*.⁵

г/ Сюда же относится форма Gpl *челове́к*.

2. Названия мер, веса, разнообразных единиц измерения: *алти́н* («три копейки» – в старину); *а́нгстрем* (единица длины, равная одной стомиллионной доле сантиметра); *ампе́р*, *вольтампе́р*, *микроампе́р*, *миллиампе́р*; *ари́ин* (старая русск. мера длины), *ватт*, *гектоватт*, *киловатт*; *вольт*, *электроново́льт*, *килово́льт*; *га́усс* (старая физическая единица для магнитной индукции); *ге́ктар*; *герц*, *мегагерц*; *грамм*, *килограмм*, *дециграмм*, *миллиграмм*; *гранн* (единица длины равная 0,062 г. в старой русск. аптекарской практике); *дюйм* (единица длины, 1/12 фута, равная 2,54 см); *куло́н* (единица количества электричества); *эрг* (единица работы энергии и количества теплоты), *мегао́м*; *ом*, *мегао́м* (единица электрического сопротивления, равная одному миллиону омов); *микро́н* (единица длины – миллионная часть метра) *миллимикро́н*, *рад* (физическая единица), *рентге́н*, *эрсте́д* (абсолютная единица напряженности магнитного поля).⁶

⁵ У слов, называющих парные предметы, в употреблении засвидетельствованы ненормативные формы на $\langle =ov \rangle$ в тех случаях, когда указание на парность не существенно: ...*слы́шится скрип сапого́в* (А. Серафимович); ...*на оди́нм ме́сте чулко́в нет* (А. Толстой).

⁶ В литературной речи XX в. у существительных-единиц измерения утвердился в Gpl вместо традиционной формы на $\langle =ov \rangle$ (*во́льтов*, *рентге́нов*) форма $\langle =o \rangle$ (*вольт*, *рентге́н*). Эта форма представляет собой в литературном языке новообразияе, узаконенное грамматиками лишь в 50-ые годы XX в. (ср. Розента́ль, 1959, 34; Грауди́на, 1964, 210).

Некоторые названия мер и весов образуют формы Gpl также с флексией $\langle =ov \rangle$:

3. В разговорной речи форма Gp1 с ≤ 0 употребляется у названий овощей и плодов: *абрикóсы* – *абрикóс*, *апельси́ны* – *апельси́н*, *арти́шки* (травянистое растение сем. сложноцветных, нижние мясистые части которых идут в пищу) – *арти́шек*, *баклажа́ны* – *баклажа́н*, *бана́ны* – *бана́н*, *бергамо́ты* (сорт сочных сладких груш) – *бергамо́т*, *грана́ты* – *грана́т*, *корнишо́ны* (мелкие незрелые огурцы, предназначенные для маринования) – *корнишо́н*, *манда́рины* – *манда́рин*, *патиссо́ны* (плоский плод огородного растения сем. тыквенных) – *патиссо́н*, *помидóры* – *помидóр*, *тома́ты* – *тома́т*, *шампиньо́ны* – *шампиньо́н*, *цукéты* – *цукéт* (сваренный в сахарном сиропе и посушенный плод или часть его). Однако АГ-80 (1980, 500) не рекомендует у приведенных слов в письменной речи употребление форм Gp1 с ≤ 0 .⁷

У некоторых слов муж. рода – *георги́н*, *жирáф*, *рельс* возможны варианты формы Gp1: *георги́н* и *георги́нов*, *жирáф* и *жирáфов*, *рельс* и *рельсов*. Это объясняется тем, что перечисленные слова употребляются как в муж., так и в жен. роде (*георги́н*, *жирáф*, *рельс* и устар. *георги́на*, *жирáфа*, *рельса*) и соответственно образуют формы Gp1 – или с флексией $\leq \text{ов}$: *георги́нов*, *жирáфов*, *рельсов*, или с ≤ 0 : *георги́н*, *жирáф*, *рельс* (ср. Горбачевич, 1971, 154-163; АГ-80, 500).

Семантическое основание классификации нулевых форм Gp1 имеет происхождение в работе С. П. Обнорского (1931, 161-167). В его исследовании лексико-семантический принцип – зависимость флексии от значения существительного – выдвинут как основной. С. П. Обнорский считает, что нулевые формы, архаичные по происхождению, закрепились в языке «началом семантического порядка».

В современном русск. лит. языке случаи появления нулевых форм после числительных или количественных наречий и местоимений относятся к более частотным. Однако засвидетельствовано множество примеров, когда нулевая форма встречается также в других значениях (ср. *современная жизнь карéл*, *показáния ампéр*, *компо́т из манда́рин*, *гру́ши дешéвле апельси́н*). Из этого вытекает, что ≤ 0 в Gp1 употребляется (особенно в живой разговорной речи) не только для количественно-отделительного значения (ср. Граудина, 1964, 194).

гра́ммов, *килогра́мов*, *гéктаров*. В устной речи эти формы неупотребительны (ср. АГ-80, 500).

У некоторых единиц измерения можно наблюдать дифференциацию: *пять арти́н* (длина) X *пять арти́нов* (мерка) (ср. Русск. грам., 1979, 479).

7. Здесь весьма существенно то, что рассматриваемые морфологические варианты обнаруживают определенную зависимость от значения падежа и характера словосочетаний. Варианты с ≤ 0 не только свойственны разговорной речи, но и употребляются обычно в стандартных количественных сочетаниях со словами, обозначающими единицы измерения (ср. *килогра́мм помидóр*, *то́нна апельси́н*). При обозначении, например, отдельных (считаемых) предметов или в других значениях применяются, как правило, формы на $\leq \text{ов}$: *пять помидóров*, *за́пах апельси́нов*, *ящик из-под манда́ринов* и т. д. (ср. Горбачевич, 1971, 185-187).

Как показывает обзор слов с ≤ 0 в Gpl, по значению форм Pl они тяготеют в группу *pluralia tantum*. В практическом употреблении языка это выражается в том, что форма Gpl у них оказывается более частотной, преобладающей и в некоторых разрядах слов и единственной. В силу малоупотребительности или почти полного отсутствия формы Nsg, Gpl – это единственный падеж, по которому определяются родовые признаки слова и его принадлежность к определенному типу склонения. Gpl оказался, таким образом, функционально более значительным, чем Nsg (ср. Граудина, 1964, 196-197).

В некоторых сочетаниях с числительными нулевая форма как бы теряет свои падежные признаки. Она оказывается удобной для всех слов, которые в каких-нибудь иных ситуациях и значениях употребляются как неизменяемые (напр., неизменяемые прилагательные типа *брюки гольф*; если они употребляются в качестве существительных, они должны изменяться по падежам – ср. *ходить в гольфах* – в форме Gpl они применяют ≤ 0 , ср. *в продаже гольф нет*). Эти факты объединяются общим стремлением к неизменяемости, которая является одним из факторов стремления русск. языка к аналитизму (ср. Кондрашов, 1985, 94-98).

ЛИТЕРАТУРА

- АГ-80 = Русская грамматика I. Москва, «Наука», 1980.
- БУЛАХОВСКИЙ, Л. А.: Грамматическая индукция в славянском склонении. ВЯ 1956, 4, 14-30; 1957, 3, 3-19.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: О грамматической омонимии в современном русском языке. РЯШ 1940, 1, 1-12.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-ое. Москва, «Высшая школа», 1972.
- ГОРБАЧЕВИЧ, Н. С.: Изменения норм русского литературного языка. Ленинград, «Просвещение», 1971.
- ГРАУДИНА, Л. К.: О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. In: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. Москва, «Наука», 1964, 181-209.
- ГРАУДИНА, Л. К.: Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных-единиц измерения. In: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. Москва, «Наука», 1964, 210-221.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А.: Грамматический словарь русского языка. Москва, «Русский язык», 1977.
- КОНДРАШОВ, Н. А.: Основные вопросы русского языка. Книга для учителя. Москва, «Просвещение», 1985.
- МАРКОВ, В. М.: Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Учебное пособие для филологических факультетов университетов и педвузов. Переиздание. Изд-во Удмуртского университета, Ижевск, 1992.
- ОБНОРСКИЙ, С. П.: Именное склонение в современном русском языке (вып. 2). Изд-во Академии наук СССР, Ленинград, 1931.
- Очерки по истории русского литературного языка. Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. Т. 1. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных. Москва, «Наука», 1964.

- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э.: Культура речи. Изд-во МГУ, Москва, 1960.
- РУССК. ГРАМ. = Русская грамматика I. Academia, Praha 1979.
- ШАХМАТОВ, А. А.: Очерки современного русского литературного языка. Москва, «Учпедгиз», 1941.
- ADAMEC, P. – HRABĚ, V. – JIRÁČEK, J. – MILOSLAVSKU, G. I. – ŽAZA, S.: Morfologie ruštiny I (skriptum). Brno 1996.
- ЈАКОВСОН, R.: Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutung der russischen Kasus. Tra-vaux du cercle linguistique de Prague VI, 1936.
- ЈАКОВСОН, R.: Морфологические наблюдения над славянским склонением. Состав рус-ских падежных форм. 's-Gravenhage 1958.
- RYKOVSKÁ, M.: К вопросу о системе форм множественного числа имен существи-тельных в русском языке. In: Cizí jazyky IV. Sborník Pedagogické fakulty Západočeské univerzity, Plzeň 1993, 51-60.
- TELEKOVI, R. a E.: K nulovej koncovke genitívu plurálu u názvov váhových jednotiek *грамм, килограмм*. RJ 23 (1970/71), 438-443.

K HOMONYMI KONCOVEK Nsg A Gpl U RUSKÝCH MASKULIN

V ruské jmenné deklinaci patří genitiv mezi nepřímé pády s největším funkčním zatížením. Skutečnosti, které jej uvádějí do protikladu s jinými pády, komplikují v plurálu postupy, které jej dostávají do protikladu se singulárem. V singuláru vystupují do popředí zvlášť zřetelně rodové odlišnosti; v plurálu je naopak jasná tendence k unifikaci jednotlivých deklinačních typů. Jinými slovy v současné ruštině se jednotlivé typy skloňování substantiv liší pouze koncovkami v Sg, zatímco v Pl je v podstatě skloňování jedno: odchylky v pádových tvarech lze registrovat částečně v N, zřetelněji v G. V Gpl mohou být v současné spisovné ruštině tři koncovky: <=ov> (konkrétní realizace -ov, -ev, -ev), <=ej> (konkrétní realizace -ej, -uj) a také může být <=0>. Tyto koncovky však neodlišují tři nynější deklinační typy substantiv. V ruštině platí tendence k souvztažnosti koncovek Nsg a Gpl: nulová koncovka v Nsg – nenulová koncovka v Gpl, nenu-lová koncovka v Nsg – nulová koncovka v Gpl. Existuje však celá řada výjimek. V článku jsou rozebrány jednotlivé skupiny substantiv muž. rodu, u nichž tato souvztažnost neplatí. Jde o sub-stantiva s tvrdým zakončením kmene, která mají jak v Nsg, tak i v Gpl <=0>.

Aleš Brandner
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
660 88 Brno